

отпускать до срока на свободу убийцу, насильника, разбойника, который формально примерно ведет себя. Надо найти время и заглянуть ему в глаза, а не только в положительные характеристики, вникнуть в жизненные установки человека, спрогнозировать, насколько он будет опасен. Это одна из гарантий обеспечения общественной безопасности.

Мы, судьи, также должны вносить более серьезный вклад в пропаганду правовых знаний и разрушение существующей в обществе системы двойных стандартов по отношению к проблемам лишения свободы. Выходя на волю, человек зачастую превращается в изгоя, от которого все пытаются держаться подальше. Руководитель субъекта хозяйствования готов оказать спонсорскую помощь для обустройства быта в исправительной колонии, но на работу бывших заключенных не принимает во избежание морального разложения коллектива. Невозможность найти и реализовать себя толкает многих осужденных к совершению новых преступлений. Это дает мощную подпитку усилиям, предпринимаемым криминальной средой для вербовки новых «солдат», насаждению в обществе системы криминальных ценностей, рекламы преступного мира как сообщества, где каждый изгой может найти настоящих друзей, достичь материального достатка. Льет воду на эту мельницу, к сожалению, и массовая культура.

Лиричным французским словом «шансон» названы разного рода музыкальные страдания с блатным оттенком, заполнившие радиоэфир и прилавки магазинов аудиопродукции. Искусствоведы, где вы? А директор фирмы, только что отказавший в приеме на работу бывшему заключенному, заслушивается на отдыхе песней Михаила Круга «Владимирский централ».

В боевике «Жмурки» два известных актера в роли киллеров-отморозков без перерыва на обед за полтора часа убивают 15 человек. А что в итоге? Камера смертников? Пожизненный срок? Ничего подобного – кресла депутатов парламента! Неотвратимость ответственности налицо. Как объяснить это нашим детям?

Сериал «Бригада» буквально вышиб из населения слезу о горькой судьбе бандита Саши Белого и его погибших сообщников. Примерно в то же время то же население леденело в ужасе и возмущалось запоздалым разоблачением зверств банды Морозова. А ведь Саша Белый и Морозов – одного поля ягоды.

Гражданам, сознательно ставшим на путь совершения преступлений, настоятельно рекомендуется посмотреть еще раз сериал «Зона» – прекрасную видеошколу выживания в тюрьме по криминальным понятиям.

Дело укрепления правопорядка настоятельно требует развенчания криминальной романтики. Если общество и государство заинтересованы, чтобы молодой человек мечтал стать бригадиром слесарей на «Гомсельмаше», а не очередной бригады «сельмашевских братков», надо не просто дать ему возможность получить образование и первое рабочее место. Нужна активная и целенаправленная контрпропаганда криминального образа жизни, доступный

рассказ о последствиях совершения преступлений и судимости. В стране живет немало людей, которым удалось разорвать криминальный круг, вернуться в общество и преуспеть. Давайте покажем через телевизионный экран не бритоголового заключенного, который монотонно вещает, что в колонии тяжело и лучше сюда не попадать, а этих людей – пусть поделятся своим опытом реального возврата в общество.

Судебная и правоохранительная система являются неотъемлемой частью этого общества, черпая там человеческие резервы. И, к сожалению, формула «по закону все равны – все в тюрьме сидеть должны» вьелась в правосознание не только обывателя, но и многих правоохранителей и судей. Но подобные установки уже не современны. Сегодня заканчивают школы, вузы, осваивают азы юридической профессии люди, которые в ближайшие 10–15 лет наденут судейские мантии, займут места прокуроров, следователей, адвокатов, социальных педагогов. Нельзя, чтобы правосознание и этого поколения выражалось подобными однобокими формулами.

Необходимо вместе со всем прогрессивным человеческим обществом приходить к осознанию, что наказание – не самоцель, а средство достижения целей уголовной ответственности, что будущее – в основном не за карательными, а примирительными и восстановительными процедурами и средствами воздействия на виновного, что лишение свободы – это крайняя мера воздействия при совершении самых опасных преступлений, для защиты общества от самых опасных его членов. Но к этому надо двигаться последовательно, взвешенно, выверено и осторожно, вместе с обществом, и воздействуя на него всеми доступными средствами, не допуская перегибов и искажений.

ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ПОНИМАНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Марчук В. В.
доцент кафедры уголовного права БГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Общетеоретическое учение о применении правовой нормы рассматривает реализацию нормы публичного права в широком смысле: не только в аспекте применения гипотезы и (или) диспозиции, но и реализации санкции нормы. В настоящее время большинство ученых, специализирующихся на исследованиях вопросов общей теории права, называют три стадии реализации (применения) права: установление фактических обстоятельств дела, установ-

ление юридической основы дела (выбор юридической нормы), принятие решения по делу.¹

В теории и практике квалификации преступлений применение уголовно-правовой нормы рассматривают в узком смысле этого слова как профессионально-практическую деятельность органов, ведущих уголовный процесс, которые обеспечивают применение диспозиции и (или) гипотезы уголовно-правовой нормы к конкретному случаю. При этом в теории уголовного права процесс квалификации преступлений классифицируют на определенные этапы. Следует заметить, что в авторских интерпретациях нет однозначности в определении названий, содержания и количества выделяемых этапов квалификации. Во многом это объясняется использованием разных критериев классификации этапов квалификации преступлений.²

Выделение в теории квалификации преступлений этапов квалификации предполагает, что этот процесс является последовательно развивающимся во времени. Однако при практической реализации задач квалификации преступлений довольно трудно провести грань между этими этапами. Более того, нет оснований с однозначностью утверждать, какой этап является первым.

Феномен применения уголовно-правовой нормы можно рассмотреть под иным углом зрения, сквозь призму философской герменевтики и феноменологии. В советский период времени герменевтика и феноменология, как и некоторые другие учения, были незаслуженно преданы забвению. Однако в настоящее время негативно-критическое отношение к философской герменевтике и феноменологии сменилось позитивным анализом их специфического подхода к методологии гуманитарного исследования. Как показывают специальные философские исследования, проведенные в последние годы, проблема интерпретации и понимания является в настоящее время одной из активно разрабатываемых проблем философии.³

Опыт философской герменевтики и феноменологии, несомненно, представляет интерес для юридической деятельности, поскольку эта деятельность

¹ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: «Статут», 1999. – С. 119; Ларин А.Ю. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Книжный мир, 2005. – С. 266; Смоленский М.Б. Теория государства и права: учеб. пособие. – М.: Наука-Пресс, 2006. – С. 206.

² Подробнее см.: Марчук В.В. Об этапах процесса квалификации / Юридическая наука и образование. – 2008. – № 1. – С. 165–170.

³ Ноздринова Г.Н. Понимание как стратегия социального познания: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. – Ставрополь, 2006; Чистилина И.А. Герменевтическая концепция М.М. Бахтина: от идеи диалога к проблеме понимания: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01. – Краснодар, 2006; Копылов А.В. Проблемы языкового посредничества в контексте философской герменевтики: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 09.00.03. – Мурманск, 2006; Слабухо С.И. Стратегии отношения к тексту: от классической философии – к постмодернизму: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01. – Смоленск, 2006; Гаврина Е.Г. Понимание: предметно-логический и культурно-исторический аспекты: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01. – Иваново, 2007; Арутюнян О.А. Понимание философского текста как смыслотворчество: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01. – Краснодар, 2007; Куксо К.А. Герменевтика исторического опыта: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01. – СПб, 2007.

является по своему характеру познавательной. На это обстоятельство обращают внимание некоторые ученые-философы, посвятившие специальные исследования юридической герменевтике.¹

Здесь следует заметить, что о юридической герменевтике можно говорить с определенной долей условности, учитывая лишь правовую специфику познавательного процесса. В настоящее время есть основания полагать, что юридическая герменевтика не является некой автономной герменевтической дисциплиной. Ее следует рассматривать как вариант применяемой в юриспруденции философской герменевтики, которая синтезировала достижения отдельных герменевтических дисциплин и обобщения отдельных философов-герменевтов и феноменологов.

Использование философской герменевтики в сфере уголовной юстиции пока еще не нашло в среде правоведов должного внимания. Автору известно лишь несколько работ, в которых предпринята попытка «прививки» герменевтики к решению некоторых прикладных задач в науках криминального цикла. Так, В.В. Суслов обозначил значение герменевтического интерпретирования при проведении некоторых следственных действий.² Есть диссертационное исследование О.В. Пычевой, посвященное герменевтике уголовного закона, которое, в конечном итоге, сведено к анализу проблем толкования уголовно-правовых норм.³ Основные идеи философской герменевтики и феноменологии, а также их практическая значимость в процессе квалификации преступлений были обозначены автором настоящей статьи в предыдущих публикациях⁴.

¹ Малинова И.П. Философия права (рефлексивная традиция): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – Екатеринбург, 1997; Писаревский А.Е. Юридическая герменевтика. Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Краснодар, 2004.

² Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование / Государство и право. – 1997. – № 6. – С. 115–118.

³ Пычева О.В. Герменевтика уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2005.

⁴ Марчук В.В. Герменевтическая процедура «понимание» в процессе квалификации преступлений / Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. Вып. 2/22 / Ин-т суд. экспертизы / редкол. А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд-во «Право и экономика», 2007. – С. 16–22; Марчук В.В. Квалификация преступлений в контексте философской герменевтики / Право и демократия: сб. науч. тр. – Вып. 19 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – С. 237–255; Марчук В.В. О философской основе квалификации преступлений // Философия права. – 2009. – № 1. – С. 103–107; Марчук В.В. Феномен интерпретации в процессе квалификации преступлений / Весник Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 88–96; Марчук В.В. Конфликт интерпретаций в процессе квалификации преступлений / Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Рос. конгр. уголовн. права, Москва, 29–30 мая 2008 г. / Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. – М.: Проспект, 2008. – С. 73–75; Марчук В.В. Герменевтика Х.-Г. Гадамера и ее значение для квалификации преступлений // Весник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Сер.3. – 2008. – № 2. – С. 83–87; Марчук В.В. Современные философские подходы в понимании, толковании и применении уголовно-правовых норм // Актуальні проблеми тлумачення і застосування юридичних норм: сб. ст. учасників міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. пам'яті проф. П.О. Несбайло, Львів, 28–29 бер. 2008 г. / Львівск. нац. ун-т ім. І. Франка, редкол.: П.М. Рабинович (гол. ред.) [і інш.]. – Львів: Юридичн. фак. Львівск. нац. ун-т ім. І. Франка, 2008. С. 199–201; Марчук В.В. О методологическом инструментарии квалификации преступлений / Соціально-законні аспекти і правові дослідження. – 2008. – № 4. – С. 102–113; Марчук В.В. Содержание процесса квалификации преступлений / Юстиция Беларуси. – 2008. – № 9. – С. 23–26.

Суть герменевтического процесса выражается в универсальной формуле, выведенной известным философом Х.-Г. Гадамером: познавательный процесс в контексте философской герменевтики выражается в триединстве герменевтических процедур «понимание – интерпретация – аппликация»¹. Эти герменевтические процедуры, имея в любом познавательном процессе универсальный характер, в теории квалификации преступлений образуют гносеологическую формулу «понимание – толкование – применение».

Понимание в процессе квалификации преступлений – это познавательная процедура постижения смысла правовой ситуации. Оно включает в себя понимание фактических обстоятельств дела как обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение, и понимание смысла уголовно-правовой нормы. Понимание в процессе квалификации преступлений носит профессионально-практический характер и представляет собой особый вид интеллектуальной деятельности по осмыслению происшедшего события и уголовно-правовой нормы, распространяющей свое действие на это событие. В правоприменительном аспекте понимание есть умение лица, ведущего уголовный процесс, действовать соответственно существующей правовой ситуации. Понимание здесь выражает герменевтическое отношение лица, владеющего нормами уголовного права, к совершенному преступлению. Процесс понимания в профессиональной деятельности лица, ведущего уголовный процесс, происходит посредством проецирующего набрасывания смыслов. Понимание происшедших событий во многом зависит от специфики проведения соответствующих следственных действий. Например, при проведении допроса понимание имеет своим основанием структуру вопросов-ответов (в философском смысле – оно имеет диалогическую форму). При проведении допроса осуществляется встречное движение смысловых проекций: понимание – например, свидетелем – произошедшего события и понимание следователем юридического значения этого события.

Установление фактических обстоятельств дела обусловлено пониманием смысла уголовно-правовой нормы. В противном случае лицо, ведущее уголовный процесс, не сможет определить, какие фактические данные имеют уголовно-правовое значение и какая норма подлежит применению в конкретном случае. В аспекте квалификации преступления лицо, ведущее уголовный процесс, постигает смысл уголовно-правовой нормы с точки зрения конкретного события преступления².

Понимание неразрывно связано с интерпретацией (истолкованием) Х.-Г. Гадамер рассматривал интерпретацию не как отдельный акт, допол-

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики; пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонов. – М.: Прогресс, 1988. – С. 365–403.

² Подробнее, см.: Марчук В.В. Герменевтическая процедура «понимание» в процессе квалификации преступлений / Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: науч. тр. Вып. 2/22 / Ин-т суд. экспертизы / редкол. А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Изд-во «Право и экономика», 2007. – С. 16–22.

няющий понимание, а как эксплицитную форму понимания (понимание всегда является истолкованием)¹.

В познавательной деятельности лица, ведущего уголовный процесс, интерпретация выполняет атрибутивно-имманентную роль. Сущность интерпретации в процессе квалификации преступления не ограничивается только логико-методологической процедурой толкования текста уголовно-правовой нормы. Интерпретативная деятельность в процессе квалификации преступления первоначально связана с иным важным объектом: событием преступления. Поскольку преступление не обнаруживается перед лицом, ведущим уголовный процесс, непосредственно, то процесс интерпретации здесь имеет специфику: лицо, ведущее уголовный процесс, может восстановить картину преступления, используя символы, знаковые объективации, впитавшие различные области значений и задающих предметные смыслы. Уяснение обстоятельств, характеризующих реальное событие, предполагает истолкование конкретных данных. Эти данные становятся фактами, имеющими уголовно-правовое значение, лишь вследствие правовой интерпретации. В.В. Суслов, опираясь на исследования П. Рикера, делает вывод о том, что следователь при проведении, например, осмотра места происшествия имеет дело не с предметами, а с их символами. Обыденные бытовые предметы в ходе осмотра в связи с совершенным преступлением приобретают «косвенный, иносказательный смысл, становятся символами, модальность которых нуждается в декодировании, интерпретации»². Если рассматривать природу символа в рациональном аспекте, то символ содержит в себе данные о предмете, которые были выведены логическим путем при обработке чувственных впечатлений. Символ можно представить как форму, в которой человеческий разум преобразует проявления внешнего мира. В процессе квалификации преступления, лицо, ведущее уголовный процесс, интерпретирует соответствующие символы, рассматривает их как возможные источники доказательств и, таким образом, устанавливает, как говорят философы, «интерпретированное бытие». В этом смысле познавательная деятельность лица, ведущего уголовный процесс, всегда выводит его на проблемное поле герменевтики. При этом лицо, ведущее уголовный процесс, предстает не неким отражающим субъектом, а человеком, познающим, понимающим и интерпретирующим имеющиеся фактические данные, которые он должен оценить как познающий субъект. При этом правоприменитель, проводя соответствующее процессуальное действие, должен понять и истолковать имеющиеся фактические данные с точки зрения требований об относимости доказательств.

Толкование уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления является казуальным, т. е. имеющим отношение к отдельному конкретному случаю. В контексте герменевтической парадигмы познания окру-

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики, пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонов. – М.: Прогресс, 1988. – С. 364.

² Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. – 1997. – № 6. – С. 116–117

жающего мира толкование уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления формирует понимание ее смысла.¹

В герменевтической традиции процесс интерпретации любого текста связан с реконструированием исходного авторского замысла. И поскольку в юриспруденции под «авторским замыслом» мы имеем в виду волю законодателя, то толкование правовой нормы есть не что иное, как уяснение смысла законодательной воли. Применительно к уголовно-правовой норме толкование направлено на уяснение смысла воли законодателя по поводу поведения, которое является уголовно-противоправным.

Процесс применения уголовно-правовой нормы в теории квалификации преступлений до настоящего времени рассматривают в контексте известного выражения К. Маркса: «Закон всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании закона, – единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение». В научных трудах, посвященных изучению логических форм квалификации преступлений, это выражение К. Маркса стало хрестоматийным.² Однако в рамках герменевтического учения аппликация (применение) рассматривается совсем в ином ракурсе. Х.-Г. Гадамер, отмечает: «Аппликация – это не приложение к конкретному случаю некоего всеобщего, которое было изначально дано и понято само по себе, но аппликация и есть действительное понимание самого всеобщего, которым является для нас данный текст. Понимание оказывается родом действия (*Wirkung*) и познает себя в качестве такового». В этом суждении Х.-Г. Гадамера заложен глубокий смысл, позволяющий по-иному посмотреть на суть применения уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступлений. При таком подходе аппликация (применение) выступает не в качестве какой-то самостоятельной стадии реализации правовой нормы. Задача понимания и истолкования, как отмечает Х.-Г. Гадамер – это «суть задача конкретизации закона в том или ином случае, то есть задача аппликации». ³ Применение в таком случае определяет феномен понимания и интерпретации во всем их объеме. При таком подходе текст уголовно-правовой нормы не рассматривается как то самое «всеобщее», которое затем лишь используется уполномоченным лицом для применения к особенному. Применение нормы уголовного закона в герменевтическом аспекте выступает в качестве его *практического понимания*.

С течением времени понимание юридического смысла нормы уголовного закона, а следовательно, и его применение, может измениться. Х.-Г. Гадамер отмечал: «Тот, кто стремится привести смысл закона в соответ-

¹ Подробнее, см. Марчук В.В. Феномен интерпретации в процессе квалификации преступлений // *Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь*. – 2008. – № 1. – С. 88–96

² Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 1. – С. 66–67.

³ См., напр.: Наумов А.В. Законы логики при квалификации преступлений. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 75

⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики; пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонов. – М.: Прогресс, 1988. – С. 402–403.

⁵ Гадамер Х.-Г. Указ соч. С. 389.

ствие с современностью должен, прежде всего, знать его первоначальный смысл. Он сам, следовательно, должен мыслить как историк права... Чтобы точно установить нормативное содержание закона требуется историческое познание первоначального смысла, и лишь ради этого последнего толкователь-юрист принимает в расчет историческое значение, сообщаемое закону самим законодательным актом. Он не может, однако, полагаться исключительно на то, к примеру, что сообщают ему о намерениях и помыслах тех, кто разработал данный закон, протоколы парламентских заседаний. Напротив, он должен осознать произошедшие с тех пор изменения правовых отношений и соответственно заново определить нормативную функцию закона.¹ Такой подход вовсе не означает, что лицо, ведущее уголовный процесс, в такой ситуации произвольно апплицирует норму уголовного закона. Применение уголовно-правовой нормы всегда должно соответствовать принципам уголовного закона и современным представлениям о правопонимании.²

В условиях интенсивного изменения норм Уголовного кодекса Республики Беларусь, особенно бланкетных его признаков, это правило понимания смысла уголовно-правовой нормы приобретает чрезвычайно важное значение. Например, в судебной практике возникал вопрос о понимании и толковании признаков должностного лица применительно к государственным служащим (п. 1 ч. 4 ст. 4 УК). Проблема толкования возникла в связи с изменениями в законодательстве, регламентирующем государственную службу в Республике Беларусь, в котором понятие «государственный служащий» было значительно сужено.³ Имеющееся доктринальное толкование указанной проблемы показывает, что практическое применение данного положения уголовного закона возможно только путем исторической интерпретации.⁴ Таким образом, чтобы понять правильно соответствующую уголовно-правовую норму, лицо, ведущее уголовный процесс, должно в конкретной ситуации быть готовым воспринимать ее по-новому. И это понимание здесь всегда уже является

¹ Гадамер Х.-Г. Указ соч. С. 385-386.

² Не затрагивая проблематику правопонимания и ее типов, хотелось бы заметить, что имевшие место подходы в понимании права с монистических позиций показали свою несостоятельность и ограниченность. Одним из современных направлений в настоящее время является создание интегративной юриспруденции, основанной на идеях различных школ правопонимания (позитивизма, теории естественного права, социологического направления и др.). Приверженцы интегративного подхода к правопониманию направляют свои усилия на поиск общих точек соприкосновения, тех узлов, где «параллельные пересекаются». Интегративный подход к правопониманию в современной правовой культуре актуализирует проблему синтеза философских методологий и создания универсального категориального аппарата. Таким запросам отвечает герменевтическое направление в современной философии.

³ О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З; с изм. и доп.: текст по состоянию на 15 июля 2008 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

⁴ См. Барков А.В. Понятие должностного лица и судебная практика по уголовным делам // Углубляя практику в контексте принципов права и законности: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Тесей, 2006. – С. 94. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахрамника [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – С. 11.

применением. Понимание, как отмечает Х.-Г. Гадамер, в таких ситуациях «само оказывается совершением».¹

С позиции герменевтического подхода в процессе квалификации преступления конституирующим является «напряжение», возникающее между текстом уголовно-правовой нормы и тем смыслом, который она получает в результате ее применения к конкретной ситуации. При этом проникновение в смысл той или иной уголовно-правовой нормы и его применение к конкретному случаю представляет собою не отдельные акты, а единый процесс. Понять смысл уголовно-правовой нормы – значит применить (апплицировать) ее к конкретной ситуации.

Таким образом, в рамках герменевтического дискурса понимание и толкование юридической значимости фактических обстоятельств дела, а также постижение смысла уголовно-правовой нормы представляют собой единый процесс, интегрирующийся в применении уголовно-правовой нормы.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бабий Н.А.

заместитель директора Научно-практического центра Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Выработка научно обоснованного понятия насилия предполагает четкое его позиционирование в рамках определенной науки с учетом внутреннего функционального назначения соответствующего определения. Необходимость подобного подхода объясняется тем, что насилие является универсальным средством разрешения противоречий на различных уровнях структуры общества, к его использованию прибегают для улаживания и бытовых, и межгосударственных конфликтов. По этой причине насилие является предметом изучения различных наук: педагогики, криминологии, социологии, политологии и др. Каждая из этих наук акцентирует внимание на отдельных чертах насилия, представляющих для данной науки приоритетный интерес.

Во всемирной энциклопедии философии насилие определено следующим образом: «Социальное насилие (агрессивность, деструктивность) – применение или угроза применения силы (в прямой или косвенной форме) с целью принуждения людей к определенному поведению, – господство одной воли над другой.

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики; пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонов. – М.: Прогресс, 1988. – С. 366

чаще всего связанное с угрозой человеческой жизни»¹. Подобное же определение находим в энциклопедии философии и социологии права: «Насилие – неправоное принуждение с использованием средств физического и психического воздействия на жертву, в роли которой могут выступать индивиды, малые и большие группы людей и целые народы. Насилие предполагает изъятие у субъектов их естественных прав на жизнь, здоровье, человеческое достоинство, свободное самоопределение. Являясь сугубо социальным феноменом, насилие выступает как одна из форм неправа»².

И.Ю. Зальсин и А.В. Дмитриев предлагают политологическое определение насилия, под которым предлагается понимать «физическое принуждение, используемое как средство навязывания воли субъекта с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования, распределения, защиты»³. Указанные авторы рассматривают насилие как физическое принуждение, а не как физическую силу, поскольку это более точно отражает специфику насилия как понятия политической науки⁴.

Социологическая энциклопедия содержит следующее определение: «Насилие, применение силы или угроза силой к.-л. соц. субъектом (личностью, группой, сообществом, организацией, институтом, партией, государством) с целью принуждения людей к определенному поведению, приобретения или сохранения экономического или политического господства, завоевания определенных прав, льгот или территорий»⁵.

Социологические исследования феномена насилия находят отражение в криминологии, которая с учетом своего научного предмета ограничивает изучение насилия в основном рамками криминального насилия, определяемого в соответствии с уголовным законодательством.

Предполагается, что в соответствии с междисциплинарными взаимосвязями криминологии следовало бы заимствовать определение насильственных преступлений из науки уголовного права. Однако в силу многочисленных проблем с разработкой понятийного аппарата и системностью построения уголовного закона ученые криминологи высказывают справедливые нарекания в адрес смежной науки. Как отметил В. Векленко, «в настоящее время в теории уголовного права существует более 200 определений понятий «насилие» и «насильственное действие», и законодатель также не дает разъяснений по этому поводу»⁶. И, несмотря на обилие таких определений, их пригодность для использования в криминологии остается невысокой.

¹ Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Харвест; Современный литератор, 2001. – С. 995.

² Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 517–518.

³ Дмитриев А.В. Насилие: социополитический анализ. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. – С. 24.

⁴ Дмитриев А.В. Указ. соч. – С. 22.

⁵ Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Данилова. – Минск: БелЭн, 2003. – С. 218.

⁶ Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 16.